

Рассветало.

Сэнгэн возвращалась из-за городских стен, шагая по самым темным улицам перед самым рассветом. Утренний ветерок приносил прохладу, колыхая её плащ. На улице было тихо, изредка проезжали ранние торговцы с тележками, и стук колес гулко раздавался по каменной мостовой.

Она свернула в переулок, решив срезать путь.

Переулок был неглубоким, по обеим сторонам тянулись обычные жилые дома. Некоторые окна уже светились, из крыш поднимался дым. Сэнгэн шла быстро, размышляя о том, что, вернувшись, сможет немного отдохнуть до того, как проснется Обанай.

Как раз когда она почти дошла до конца переулочка, она внезапно остановилась.

Впереди послышался шум.

Сэнгэн крепко сжала рукоять меча, шаги стали легче, и она бесшумно приблизилась.

В самом конце переулочка, у выхода на улицу, к ней спиной стояла женщина. Её тело сильно дрожало, плеча подрагивали, словно она с кем-то боролась.

Перед ней находились два мальчика.

Старшему на вид было лет пятнадцать-шестнадцать, он отчаянно заслонял собой младшего. Лицо его было мертвенно-бледным, в глазах плетился первобытный ужас, но он не отступил ни на шаг.

Женщина вдруг запрокинула голову и издала нечеловеческий хриплый вопль.

Сэнгэн увидела её глаза.

Глаза демона.

Женщина бросилась на мальчиков.

Сэнгэн двинулась.

Золотое сияние на мгновение вспыхнуло в полумраке переулочка.

Голова женщины взлетела в воздух, тело по инерции сделало еще два шага вперед, а затем рухнуло перед мальчиками.

Сэнгэн убрала меч в ножны и замерла у выхода из переулка, наблюдая за происходящим.

Старший мальчик опустился на колени, его тело одеревенело, а глаза остекленевшие уставились вперед. Младший жался к нему сзади, весь трясясь и уткнувшись лицом ему в спину.

Сэнгэн проследила за его взглядом.

Голова женщины упала на землю.

Это была голова демона. Глаза все еще оставались демоническими, во рту торчали клыки. Но лежала она там, и кровь текла из обрубленной шеи, расплываясь лужей по каменным плитам.

Затем начались перемены.

Демоническая свирепость постепенно спадала. Клыки втянулись, глаза снова стали человеческими. Чудовище, которое только что истошно ревело и жаждало убийства, мало-помалу превращалось в самую обычную женщину.

Молодую женщину. С мягкими чертами лица. В уголках её губ словно застыл слабый намек на улыбку.

Она умерла. Но умирая, она снова стала человеком.

Губы мальчика зашевелились. Глаза его расширялись все сильнее, зрачки судорожно сжались. Его тело забило мелкой дрожью, которая быстро переросла в сильнейший озноб.

— Ах... Мама!

Его голос был надрывным, похожим на звериный вой.

Он резко поднял голову и в упор уставился на Сэнгэн. Глаза его были исчерчепаны кровью, слезы смешались с яростью, всё лицо исказилось.

— Ты... убийца!

Сэнгэн замерла.

Она приоткрыла рот, собираясь что-то сказать. Хотела сказать, что это больше не твоя мать — это демон. Хотела сказать, что она перестала быть человеком и только что пыталась вас убить. Хотела сказать, что она просто...

Ей хотелось сказать многое.

Но она не могла произнести ни звука.

Мальчик прижал к себе младшего брата, сжавшись в комок, и заслонил его собой, чтобы тот не видел эту голову. Он продолжал кричать, голос его полностью сорвался, и было непонятно, проклиная ли он её или просто дает выход боли.

Сэнгэн стояла на прежнем месте, сжав меч, и не двигалась.

Утренний свет проникал в переулок, освещая голову, постепенно возвращавшуюся к человеческому облик, и двух прижавшихся друг к другу мальчиков.

Она опустила взгляд на собственные руки.

Эти руки сжимали меч. Крепко и уверенно. Руки, которые только что срубили голову той женщине.

Сэнгэн не знала, сколько простояла так. Только когда крики мальчика сменились прерывистыми, всхлипывающими рыданиями, она повернулась.

Она покинула этот переулок.

Когда она вышла на улицу, уже совсем рассвело. Город оживал: кто-то зазывал покупателей, кто-то проходил мимо с коромыслом на плечах. Никто не обращал на нее внимания, никто не знал, что она только что совершила.

Сэнгэн вернулась в поместье Убуясики.

Толкнув дверь своего дома, она увидела Обаная, сидевшего в гостиной. Перед ним стоял завтрак, к которому он даже не притронулся. Заметив её вошедшую, он радостно заблестел глазами.

— Вернулась?

Сэнгэн кивнула и села напротив.

Обанай протянул ей палочки для еды:

— Ешь.

Сэнгэн взяла палочки и, опустив голову, принялась за еду.

Обанай смотрел на нее, смутно чувствуя неладное. Обычно по возвращении она всегда расспрашивала его, как прошли тренировки или задания, но сегодня не спросила ни слова. К тому же то, как она ела... словно выполняла какую-то неизбежную обязанность, а не по-настоящему принимала пищу.

— Сэнгэн? — с опаской окликнул он.

— М?

— Что с тобой?

Сэнгэн подняла голову и посмотрела на него. Выражение её лица было совершенно спокойным, ничем не отличавшимся от обычного.

— Ничего, — ответила она. — Ешь давай.

Обанай смотрел на нее, собираясь расспросить дальше, но она уже снова опустила взгляд в тарелку. Ему пришлось тоже взять палочки, однако ел он без всякого аппетита, то и дело украдкой поглядывая на нее.

Сэнгэн съела меньше обычного. В пиале осталась еще добрая половина риса, когда она отложила палочки.

— Уже закончила? — спросил Обанай.

Сэнгэн кивнула.

Обанай немного помедлил и спросил:

— Сегодня... будем тренироваться?

— Нет, — Сэнгэн поднялась на ноги. — Я немного отдохну.

Она направилась к своей комнате. Сделав пару шагов, она неожиданно остановилась и

обернулась к Обанаю.

— Ложись спать один, — произнесла она.

Обанай замер.

— Я немного устала, — добавила Сэнгэн. — Хочу побыть одна.

Обанай приоткрыл рот, желая что-то возразить, но в конце концов лишь кивнул:

— Хорошо.

Сэнгэн вошла в комнату и затворила за собой дверь.

Обанай сидел на прежнем месте, глядя на эту закрытую дверь, и в его сердце поднималось странное, тревожное предчувствие.

Поразмыслив немного, он встал, подошел к двери комнаты Сэнгэн и прижался к ней ухом.

Внутри царила абсолютная тишина.

Он долго стоял у порога, но постучать так и не решился.

Сэнгэн сидела у окна, глядя наружу.

В памяти всплывало лицо того мальчика, его надрывный вопль: Ты убийца!

Убила ли она человека? Она убила демона. Это её долг, то, чем она занималась с шести лет. Скольких демонов она лишила жизни — уже и не сосчитать. Еще никогда никто не упрекал ее за это.

Но когда голова той женщины покатилась по земле, она мало-помалу превращалась в человеческую.

Она убила женщину. Мать.

Хотя та женщина уже превратилась в демона и убила собственных детей — пятерых? Или еще больше? Она не знала. Но за спиной мальчика не было других детей, только тот, помладше. Остальные наверняка уже были мертвы.

Женщина убила собственных детей и собиралась расправиться с последними двумя. Она всего лишь... всего лишь хотела их спасти.

Но взгляд, которым мальчик смотрел на нее, был полон ужаса, словно он видел перед собой монстра.

Был ли он прав? Была ли она убийцей?

<http://bllate.org/book/22382/2348119>